

НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ стандарты: давайте разберёмся!

Александр Владимирович Могилев,
профессор Воронежского государственного университета,
доктор педагогических наук

- общественные дискуссии • реформа школы • новые образовательные стандарты
- профильное обучение • цели воспитания • потребности • модель школы

В последние год-два в нашей стране возникла принципиально новая ситуация: важные для общества проблемы и проекты обсуждаются необыкновенно активно, широко и открыто. Такого же накала общественные дискуссии достигали в конце 1980-х годов, в эпоху так называемой гласности и перестройки. Тогда очень остро шло осознание ложности идеологии советского периода, преступлений сталинизма, неэффективности командно-административной системы. Ведущую роль в общественной дискуссии тогда играли СМИ — прежде всего печатные, газеты и журналы.

Сейчас среди наиболее активно обсуждаемых проблем оказался проект образовательных стандартов полной средней школы. Накал обсуждения беспрецедентен. И Интернет, и СМИ полны резкой критики проекта стандартов со стороны учёных, специалистов образования, да и просто представителей общественности. Казалось бы, такой активности можно порадоваться — на наших глазах появляются и укрепляются ростки гражданского

общества, начинают формироваться механизмы общественно-государственного управления школой.

Но есть и тревожные симптомы. Острая критика проекта, кажется, нимало не смущает Минобр и группу разработчиков стандартов, к которой как нельзя лучше подходит знаменитая фраза крыловской басни: «А Васька слушает, да ест». Игнорирование мнения общественности и упорство этой заинтересованной стороны могут даже вылиться в утверждение и волевой ввод стандартов в действие в их текущем виде, что в итоге приведёт к игнорированию новых стандартов, искажению их трактовки в образовательных учреждениях, а также росту радикализма социальных протестов, дальнейшему обострению противостояния властей и населения страны. Думается, нынешняя политическая элита этого не допустит в преддверии перевыборов парламента и президента, а значит, на проекте стандартов и карьере их разработчиков будет поставлен жирный крест.

Однако не всё так просто. Причины появления новых стандартов никто не отменял, и они, эти причины, не рассосутся сами собой. Работы над стандартами начались, что называется, не от

хорошей жизни, и самым плохим вариантом в создавшейся ситуации было бы остановить работу над реформой школы, «заморозить» школу в её нынешнем состоянии, оставить всё как есть. Это не выход из положения.

Высокое качество советского образования — только миф?

Дело в том, что объективно качество образования в российской школе значительно упало в последние годы. Каждый, кто имеет отношение к школе и образованию в целом, это чувствует и понимает. Снизилась заинтересованность школьников в широких и глубоких знаниях. Впрочем, это очень мягко сказано. Можно говорить о стойком нежелании учиться, отвращении к школе у значительной части наших школьников. Крайнюю остроту приобретают взаимоотношения в среде школьников, между школьниками и учителями. В эту сферу проникает социальное расслоение по имущественным признакам.

Значительная часть выпускников школы, поступив затем в вузы, оказывается функционально неграмотной. Нередки случаи, когда студенты демонстрируют незнание программы начальных классов, неспособность выполнить простейшие арифметические вычисления (особенно операцию деления) и писать без орфографических ошибок. Невысокий уровень знаний показывают российские школьники в сравнительных международных исследованиях качества образования PISA. И это всё несмотря на внешнее благополучие оценок ЕГЭ.

Правдами или неправдами, но выпускники школ и их учителя научились «успешно» сдавать ЕГЭ, и следует открыто признать, что ЕГЭ перестал быть объективным измерителем качества образования, так и не став им. Результаты сдачи говорят лишь об умении готовиться к ЕГЭ и сдавать его — и практически ничего о качестве образования. В эти дни ближе к завершению учебного года, в ходе очередной кампании подготовки к ЕГЭ, совершенно очевидно, что задача подготовки к ЕГЭ заменила почти

повсеместно цель дать качественное образование. Характерно, что в выпускных классах учебный процесс сворачивается, вытесняясь натаскиванием на ЕГЭ. Но школа имеет весьма ограниченные возможности подготовки к единому экзамену. Практически каждый выпускник частным образом занимается подготовкой к ЕГЭ с 3–4 репетиторами из числа своих же школьных учителей... Занятия с репетиторами стали считаться уважительной причиной пропуска уроков в школе. Как сказали бы специалисты по качеству продукции в промышленности, ЕГЭ оказался разрушающим методом контроля.

Что же случилось со школой, почему так упало качество образования? Основная причина, точнее объяснение этого явления, парадоксально — изменилось не столько образование само по себе, сколько критерии качества, требования, с которыми мы подходим к школе. Утверждение о том, что советское образование было каким-то особенно качественным — не более, чем миф. Наша школа давала систематические знания, необходимые для самого образования, для его продолжения. Российская школа никогда не давала практически ценных знаний. Может быть, только в короткий период после гражданской войны в 1920-е годы, когда проводилось множество педагогических экспериментов и нащупывался прообраз школы нового типа. Однако с усилением тоталитарных начал в 30-е годы советская школа твёрдо пошла по пути классической немецкой гимназии фон Гербарта начала XIX века, с которого так и не свернула до настоящего времени. Все европейские страны и США уже провели реформы школы и пошли существенно дальше в подходах к образованию, российская же школа твёрдо придерживается гербартианского учения о планомерном изучении учебного материала, верховенстве порядка

в рамках фронтального учебного процесса, воспитывающем обручении, формирования представлений и т.д.

В советский период активно развивались вузы, академическая и отраслевая наука, поэтому школьные знания и в таком виде были востребованы как условие вхождения в эту систему, которая, кстати, была весьма престижной и обеспечивала высокий уровень достатка. Это создавало основу учебной мотивации школьников, студентов, молодых учёных. Кроме того, тоталитарный дух школы так хорошо подходил к тоталитарному обществу — когда нам говорили «надо», мы дружно отвечали «есть»! И изучали предлагаемый нам учебный материал. Вспомним, как мы конспектировали «Малую землю» и «Целину», списанные затем в макулатуру!

В настоящее время всё изменилось — отраслевые НИИ давно ликвидированы, академические институты прозябают на мизерном финансировании, вузовская сеть также подвергается «оптимизации» — сфера, где было востребовано систематическое образование, стремительно сокращается. Новые высокообразованные люди никому не нужны в этой стране, а «старые» образованные люди, резервуаром для которых в постперестроечные десятилетия стали вузы и школа, влчат существование на грани бедности. Пал тоталитаризм и стремительно выветривается умение подчиняться приказам, смысл которых неясен. А раз так, зачем учиться? Зачем нужно образование? Для молодёжи совершенно очевидным является тот факт, что классическое образование в современную эпоху не ведёт ни к жизненному успеху, ни к мало-мальскому достатку. На смену ему должно прийти образование нового типа...

А всё почему? По какой причине?..

И вот в этих условиях появляются новые образовательные стандарты, коренным об-

разом ломающие предметную систему школы. В духе гербартианства советская школа отвечала на каждый научный прорыв или социальный запрос новым учебным предметом. Число учебных предметов в старших классах достигло 18–20 и стало непосильным. Параллельно усложнялись требования по каждому предмету. Стало ясно, что дальнейшее сохранение такой непомерно раздутой системы — очковтирательство. Эффективное усвоение всей этой «сумы знаний» стало невозможным. Переход к профильному обучению, который намечался в 2004–2005 годах, в рамках которого планировалось разгрузить учащихся, захлебнулся, оказался необеспечен ни учебной литературой, ни педагогическими кадрами, ни соответствующей структурой аттестации учащихся — всё тем же ЕГЭ. Зачем же при провалившейся профилизации поддерживать эту линию ещё и непонятной перекройкой предметной системы?

Объяснение тут может быть только одно — это продолжение той же линии, которая была начата Б. Ельциным в действующей ныне Конституции, в её статье 43. Напомним, что согласно этой статье полное среднее образование не является ни обязательным, ни бесплатным. Общее среднее образование, т.е. нынешнее девятилетнее — да, оно гарантируется Конституцией. А полное среднее — нет. То есть наше государство не должно предоставлять права получения бесплатного полного среднего образования. Но по инерции от советских времён предоставляет.

Видимо, это обстоятельство не даёт кому-то покоя. Можно даже вычислить, кому — из старой, ельцинской команды. Вот в 2010 году был принят закон, который снимает с государства обязанность финансово содержать практически все учреждения бюджетной сферы — в том числе школу. Теперь вот появляется проект стандарта, который предполагает переход на целиком профильную

подготовку, т.е. обучение по 9–10 предметам по выбору и усечённую по часам учебную неделю. Ясно, что остальные предметы, если возникнет такое желание, предполагается «проходить» за взимаемую с родителей плату.

Но ничего ужасного и сверхъестественного в таком предложении нет. Родители выпускников оплачивают сейчас репетиторов и тратят значительно большие средства, чем если бы им пришлось оплачивать «дополнительные» школьные предметы. А ведь можно по-прежнему оплачивать репетиторов, а не обучение по дополнительным предметам, нужность и полезность которых вызывает сомнения. С данных позиций проекты новых стандартов выглядят вполне логичными и обоснованными.

Почему же проект новых стандартов вызвал такую бурю негодования в СМИ и Интернете?

Можно указать четыре основные причины ведущейся вокруг проекта стандарта полемики:

1. Критики проекта стандарта почувствовали, что государство готовится сбросить с себя ещё одну социальную функцию — обязательства по бесплатному полному среднему образованию, и таким образом ещё раз залезть в их тощий карман. С перекройкой системы предметов стандарт «наезжает» на жизненные интересы больших социальных групп преподавателей и научных работников — математиков, физиков, историков и т.д. И родителей с небольшим достатком из глубинки.

2. За текстом проекта стандарта, трудным для прочтения даже специалистам, противники проекта почувствовали чуждую им идеологическую схему «нашизма», превознесение патриотизма как высшей цели воспитания и обучения. Речь идёт даже не о гражданской или активной жизненной позиции, а именно о патриотизме. Все остальные цели воспитания и обучения оказываются вторичными по отношению к формированию у школьников патриотизма. Нет речи о какой-то таксономии целей воспитания

и развития детей. «...Патриотом быть обязан!» В проекте одним махом преодолен многовековой спор российской культуры — спор между «западниками» и «славянофилами». Никакого западничества! Можно себе представить реализацию такого рода «идеологической направленности» в школах в его расцвете: очередное переписывание учебников истории и литературы, превознесение достижений отечественных учёных, замалчивание проблемы неконкурентоспособности отечественной науки и экономики... Такое «перевёртывание» с ног на голову целей воспитания — тревожный признак возрождающихся в обществе тоталитарных тенденций.

3. Проект стандарта «протаскивается» или «продавливается» на основе старого кулуарно-бюрократического подхода при полном пренебрежении общественным мнением. При этом подходе общественность фактически отлучена от процесса выдвижения специалистов в группу разработки, обсуждения концептуальных основ проекта стандартов, и просто ставится перед фактом появления нового документа, наступающего на её права. От неё ожидается лишь горячее «одобрямс».

4. Проект стандарта откровенно слаб в тонкостях упомянутых в нём предметных областей. Каждый специалист, обратившись к своей части стандарта, обязательно обнаружит тут по нескольку ляпов, смысловых или стилистических, говорящих о слабом владении составителями даже языком предметной области. Разработчики проекта смогли пройти лишь «вскользь» по предметной системе школы. Неужели трудно было пропустить документ через действительно сильных специалистов, которые имеют практический опыт и непосредственно связаны с делами школы и которые бы поправили его огрехи?

По-сути, группа разработчиков стандартов вместо того, чтобы придерживаться приемлемой и понятной для общества системы смыслов, концептуального пространства пытается навязать ему, как это неоднократно случалось при командно-административном способе проведения реформ, собственные представления, не опирающиеся на внутренний потенциал специалистов сферы образования и самого общества.

В любом случае ведущаяся дискуссия — это не дискуссия об образовательных стандартах. Смысл её значительно глубже, это форма выражения социального протеста.

Ещё одна ложка дёгтя в бочке дёгтя

Как дискуссия об образовательных стандартах она совершенно беспочвенна. Обратите внимание — полемика свелась к вопросам о том, сколько предметов нужно изучать в школе, какие это предметы — математика, физика или русский язык с литературой. То есть предполагается, что это те же самые, такие же предметы, какими они являются сейчас, и почти такие же, какими они были в доперестроечные времена!

В ходе этой дискуссии совершенно не обсуждаются вопросы о том, какова желаемая модель школы, какие методы обучения применяются в ней, в чём состоит учебная деятельность. В документе продекларирован деятельностный подход, но никаких данных о деятельности учащихся и педагогов в документе не содержится. Ученик рассматривается, как «мягкая глина», материал, из которой формируется нужная по своим характеристикам и параметрам личность — иначе как тоталитарным, антигуманным данный подход назвать нельзя. Стандарт направлен на то, чтобы закрепить приоритет государства над личностью. Понятие о «потребностях» учащихся встречается в документе в контексте лишь

потребностей, которые формирует школа, или специальных потребностей детей с ограниченными возможностями. Школьник рассматривается как существо без потребностей, в том числе познавательных. Не правда ли странно?

В первых своих строках проект документа определяет, что же такое стандарт. Получается, что стандарт — совокупность требований, обязательных при реализации основной образовательной программы в образовательных учреждениях, имеющих государственную аккредитацию. А требования — к результатам обучения, к структуре образовательной программы, к условиям её реализации. Но определить, кто предъявляет эти требования и к кому их предъявляют, так сказать субъект и объект требований — невозможно, это остаётся неизвестным. Требования какие-то безадресные, механизм их реализации даже не намечен. Например, что будет, если какие-то требования к результатам обучения не выполняются? Четвертовать ученика, у которого не те результаты? Закрыть школу, где это случилось? Или уволить министра образования, который допустил это? Безадресность, отсутствие механизмов реализации делают стандарты инструментом произвола со стороны чиновников.

Подлинная сущность стандартов, однако, раскрывается во второй их статье — они являются основой для разработки систем объективной оценки уровня образования и, с другой стороны, формирования государственного (муниципального) задания. То есть всё это затевается лишь с тем, чтобы оценивать учащихся и оплачивать работу школ. Только и всего. Конечно, имея такие утилитарные цели, разве нужно предлагать модель школы будущего, объяснять, как планируется решить проблемы школы и помочь ей в работе?

В проекте, однако, указано, для кого предназначен данный стандарт, в основу чьей деятельности он должен быть

положен. Здесь перечислены руководители разного уровня, отвечающие за качество образования. А теперь — приготовьтесь!.. Как вы думаете, есть ли в этом списке учителя? Нет! В стандарте учитель игнорируется, стандарт написан чиновниками и для чиновников. Для выполнения учителем стандарт как бы необязателен. Хотелось бы посмотреть, как его положения, как задача воспитания патриотизма и прочие задачи, на которые ориентирован стандарт, будут решаться всей этой армией чиновников!

Необходимо понимать, что при наблюдаемом уровне непринятия нового стандарта общественностью ждать его реализации, исполнения его требований — нереально. Как говорится, строгость российских законов компенсируется необязательностью их выполнения. Интересно, на что рассчитывают разработчики проекта? На всеислие государственного аппарата, на его репрессивную мощь? Мы видим, что в современную эпоху это уже не работает. Способы уклонения учителя от реализации любых указов Министерства образования бесконечны. Повсеместно учителя ведут занятия на основе собственных разработок, собранных «с миру по нитке» из разных источников, но при этом на случай внезапной проверки держат в шкафу комплекты «допущенных и рекомендованных» учебников, а также аварийный план-конспект урока. Без подключения к реализации стандарта «энергии масс», без его поддержки простым учителем, его желания реализовать прогрессивный стандарт на своём рабочем месте нечего и думать о какой-то модернизации школы. Стандарт образования только тогда будет работать, сыграет свою позитивную, координирующую и направляющую роль, когда он будет поддержан общественностью, когда его положения будут поддерживаться и разделяться основной массой учителей и администраторов школ.

Для кого пишут стандарты? Кто будет их выполнять?

Рассмотрим требования по обеспечению образовательных учреждений кадрами. Нет необходимости снова доказывать, что развитие и модернизация российской

школы, рост качества образования имеют такие определяющие факторы, как профессионализм и квалификация, заинтересованность в преобразованиях и активность учительства. Однако, даже несмотря на провозглашение 2010-го «Годом учителя», за прошедшие месяцы были сделаны шаги, которые не только не улучшили положение учителей, но заметно его ухудшили.

Идёт реальное сокращение численности учителей, провозглашённое министром образования, на 200 тыс. человек — всего на 17% от численности на начало 2010 года (а ведь до этого численность учителей уже была сокращена на 20%). Происходящее сокращение учителей сопровождается, с одной стороны, ликвидацией школ в сельской местности, что ведёт к усугублению демографических проблем страны, а с другой стороны — раздуванию численности классов свыше 40 человек в городах, что делает бессмысленными разговоры о качестве и индивидуализации обучения.

Утратили своё стимулирующее значение, превратились в насмешку гранты по 100 000 рублей, которые выделялись наиболее успешным учителям, была обесмыслена программа стимулирования учителей в рамках национального проекта «Образование», действовавшая в последние годы. Причём сделано это по настоящему иезуитским способом: размер гранта увеличен в 2 раза, а число выдаваемых грантов сокращено в 10 раз. Теперь из каждого региона гранты могут получить не 200, а 20 человек, это превратилось в розыгрыш лотереи. Экономия средств сделала получение гранта малореальным делом, интерес к участию в конкурсе исчез. Вот образец административного рвения чиновничества от образования и последствий, к которому он приводит.

Ухудшилось материальное положение учителей. Вопреки официальным утверждениям о повышении их заработной платы в условиях перехода на нормативно-подушевое финансирование (назывался уровень зарплаты в 17000 и даже 30000 руб.), массовые зарплаты учителей-предметников в регионах остались на уровне 8000—10000 руб. на ставку. При фактической инфляции не ниже 20% в учительском потребительском сегменте учителя оказались на грани нищеты. Всё это усиливает непрестижность учительской профессии, её непривлекательность для молодёжи как жизненного сценария. Молодёжь отказывается от планов связать свою жизнь с учительской профессией, а молодые учителя уходят из школ.

В результате данных изменений учительская среда всё больше социально обособливается, в ней накапливаются критические настроения, укрепляется дух социального аутсайдерства, а школа в целом оказывается невосприимчивой к изменениям, к модернизации.

Не лучше выглядит ситуация и в педагогическом образовании, в подготовке учителей. Здесь решающими стали следующие тенденции.

Минобразования ежегодно сокращает квоты бюджетного приёма на педагогические специальности примерно на 10%. Это влечёт за собой сокращение преподавательского состава педагогических вузов и старения их коллективов, поскольку первыми сокращаются молодые преподаватели.

Преподаватели вузов находятся в материально трудной ситуации. Так, остепенённый доцент педагогического вуза получает зарплату на уровне учителя школы — 9000 рублей. Начинаящий ассистент — около 5000 рублей. Никаких стимулов «идти в науку» и повышать свою научную квалификацию молодёжь не имеет. Вузовское сообщество в регионах близко к неко-

ей точке «невозвращения», когда будут потеряны имеющиеся научные школы, да и сама способность вузов к самовоспроизводству и способность оказывать образовательные услуги в секторе высшего профессионального образования.

Таким образом, база подготовки учительства заметно сокращается. В перспективе 4—5 лет, когда демографический спад закончится, а численность учителей кардинально сократится, ещё в течение 10 лет не будет физической возможности нарастить подготовку учителей для школ на необходимом качественном уровне.

В рамках перехода на бакалавриат на педагогических специальностях срок подготовки учителей уменьшается на 1 год (до 4-х лет), т.е. на 20%. Не только ухудшается подготовка бакалавров по их профилю. Отнят год, в течение которого будущие учителя выполняли дипломное исследование и проходили педагогическую практику, окончательно формируясь как зрелые личности и получая направленность на учительскую профессию. Можно прогнозировать, что подготовка учителей-бакалавров ухудшится не на 20%, а на все 40% или даже 50%.

Фактом последних месяцев является переход педагогических вузов на образовательные стандарты высшего образования нового поколения, ориентированные на некие компетентности. Данные компетентности разработаны чисто умозрительно и весьма сыро, а не на основе экспериментального исследования профессиональных требований. Разработка образовательных программ на основе новых стандартов велась по принципу сохранения статус-кво кафедр и преподаваемых дисциплин с тем, чтобы наиболее мягко сокращать преподавателей.

Ближайшие перспективы несут серьёзные риски и угрозы для российской школы. В результате множества

одновременно идущих, несогласованных и противоречивых реформ, попыток бюджетной экономии не только не происходит какое-либо обновление общего среднего и высшего педагогического образования, но и велик риск утраты воспроизводимости школьных и вузовских сообществ. Имеется общая недооценка значения подготовки педагогических кадров.

Что же делать?

Зададимся этим классическим русским вопросом. Нам необходима чёткая программа вывода образования из кризиса, его модернизации. Первым шагом такой программы должно стать научное исследование проблемы и целеполагание. Затем — проектирование нескольких альтернативных моделей. И уже имея внятные модели, можно приступить к их широкому общественному обсуждению.

Как показывает практика, учителя и завучи школ, руководители образования и даже учёные от педагогики очень смутно представляют себе желательную для общества модель школы. «Большие светлые, отремонтированные здания, много компьютерной техники» — вот что вам расскажет большинство учителей о школе будущего. И ни слова об учителях и школьниках, об их облике и характере деятельности. Полное безлюдье. Это характерно для нашего менталитета — о людях у нас не принято думать, или думают о них в последнюю очередь.

Модель школы включает модель ученика, модель учителя и способы их взаимодействия и общения. В первую очередь она должна описывать характерную для учителя и ученика деятельность, зону их ответственности, уровень их свободы, самостоятельности,

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ти, требуемого от них творчества. Очевидно, что в связи с переходом в педагогике от знаниевой парадигмы к компетентностной методы обучения приобретают даже большее значение, чем содержание. Из подчинённого элемента методической системы методы обучения становятся одним из ведущих, они даже позволяют по-новому формулировать цели обучения, не говоря уже об отборе содержания!

Определив модель школы, *вторым шагом* преобразований необходимо сделать разработку квалификационных требований к учителям, создать стандарты педагогического образования и переподготовки учителей, запустить процесс подготовки учителя для новой школы.

И вот только после этого наступит время разработки школьных образовательных стандартов и их реализации. Это только *третий шаг* модернизации школы. При этом стандарты должны быть ориентированы не на каких-то чиновников, руководителей образования. Стандарты должны быть написаны для подготовленных ранее учителей, они должны быть понятны им, разделяться и поддерживаться ими, применяться как руководство к действию в повседневной работе, только тогда можно рассчитывать на реальную модернизацию и преобразование школы. Только таким образом мы сможем, наконец, покончить с пережитками тоталитаризма, отойти от гербартианских принципов классического немецкого образования начала XIX века, все ещё сохраняющихся в школьном укладе (и менталитете значительного числа российских граждан). **НО**